

этого дела»,⁹² согласиться трудно, так как даже в XVII в., когда продукция печатного станка неизмеримо возросла по сравнению с 60-ми годами XVI в., рукописная книга стоила дешевле печатной.⁹³ Специалисты рукописного книжного ремесла не представляли собой какой-либо компактной массы. Существовали рукописные мастерские, например в Троице-Сергиевой лавре,⁹⁴ у попа Сильвестра,⁹⁵ но число ремесленников в таких мастерских не могло быть большим. Основная масса писцов-ремесленников была разбросана «по градам», как это отмечает Стоглав (гл. 28). Среди них, как среди лиц, ближе других стоящих к книжному производству, могло возникнуть более сильное недовольство и Федоровской редакцией, и новым способом изготовления книг, и недовольство это передалось и той массе, которую сумели возбудить против печатников феодальные верхи, добиваясь уничтожения книгопечатания.

В. В. Стасов тоже считал, что «Иван Федоров и Петр Мстиславец были обвинены в ереси».⁹⁶ Но для него эта ересь представлялась в совершенно ином виде. «Гораздо вероятнее предположить, — писал он, — что вся ересь их заключалась в том, что они с похвалой отзывались ... о тюбингенских изданиях. Быть может, они даже усиливались ввести их в России». Мнение это, как и его мнение об отправке «людей, назначенных в типографщики, учиться книгопечатному мастерству» в Тюбинген, не подтверждается ни одним документом; что же касается того, что наши первопечатники, «быть может ... даже усиливались ввести их (тюбингенские издания, — Г. К.) в России», то это было невозможно уже в силу того, что тюбингенские, как и урахские издания, «харвацки истумацена» и были просто непонятны на Москве по своему языку.

Галицкий ученый А. С. Петрушевич, говоря о ереси первопечатников, писал, что под ересью «надо здесь подразумевать протестантское учение», которым, «может быть, могли они заразиться от своего руководителя Ганса».⁹⁷

По вопросу об уходе первопечатников за рубеж есть и единичные высказывания, авторы которых совершенно не считаются с общеизвестными фактами. Так, анонимный автор в 1806 г. писал: «Когда кн. Константин Острожский предпринял издать Библию на славянском языке, царь не только послал к нему древние рукописи славянских переводов, но и отправил искусного типографщика московского Ивана Федорова».⁹⁸

Полным курьезом звучит противоположное утверждение польского автора, высказанное уже в наше время: Иван Федоров бежал от «гнева царя Ивана Грозного и его доносчиков».⁹⁹ Утверждение это идет в разрез со словами самого Ивана Федорова о Грозном в его львовской «Повести».

⁹² С. В. Бахрушин, А. А. Зимин. Просвещение, наука, литература. — В кн.: История Москвы, т. I, Период феодализма XII—XIII вв. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 246.

⁹³ В. Адрианова. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, стр. 19, 28, 32; А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 23.

⁹⁴ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра, стр. 83.

⁹⁵ Д. П. Голохвастов и Леонид Кавелин. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, 1874, кн. I, стр. 51.

⁹⁶ В. В. Стасов. Разбор рукописного сочинения г. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств». — Собрание сочинений, т. II, СПб., 1894, столб. 167.

⁹⁷ А. С. Петрушевич. Иван Федоров, русский первопечатник. Историко-библиографическое рассуждение. Львов, 1883, стр. 14.

⁹⁸ Что сделано в России для просвещения народа и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого. — Вестник Европы, М., январь, 1806, № 1, стр. 19.

⁹⁹ A. Jędrzejowska. Książka polska we Lwowie w XVI w. Lwów—Warszawa, 1928, стр. 3.